

На лице Ван Пинпин появилось выражение вины.

— Малыш... Мама забыла купить фейерверки.

Каждый год, несмотря ни на что, она покупала детям ручные петарды, но в этом году почему-то не купила.

— Ничего страшного, — равнодушно ответил Тун Цянь. — Мы купили петарды-тёрки, которые другим даже не достанутся.

Увидев, что сын принёс домой целых 350 юаней, Ван Пинпин потребовала объяснений.

Тун Цянь, убрав наиболее подозрительные детали, рассказал, как Тун Вэйго дал им денег, как они купили петарды, обменяли их на антиквариат и затем продали его.

Несмотря на сомнения, Ван Пинпин вынуждена была убедить себя, что это просто удача.

Её малыш оказался везучим, да ещё и с Чжоу Минъянем они вместе совершили то, что взрослым казалось невероятным.

Даже если их было всего четверо, новогодний ужин оказался обильным.

Солёная рыба, маринованные овощи, тушёная капуста с лапшой, свинина в соусе, тушёный картофель с курицей и суп из свиной крови с лапшой — всё это заняло место на столе.

Едва блюда были поданы, Тун Цянь потянулся, чтобы схватить кусочек, и с наслаждением вздохнул.

— Мама, твоя еда просто восхитительна!

Сейчас Тун Цянь был главным героем в семье, и Ван Пинпин не стала ругать его за отсутствие манер. Она позвала детей за стол, и они вместе насладились тёплым новогодним ужином.

— Тётя, ваше мастерство достойно шеф-повара ресторана. Вы где-то учились?

Чжоу Минъянь тоже был впечатлён.

Без хороших ингредиентов даже искусная хозяйка не сможет приготовить ничего стоящего. Обычно в их доме были только солёные продукты, но с появлением свежих ингредиентов мастерство Ван Пинпин проявилось в полной мере.

— Что вы, — покраснела Ван Пинпин от похвалы.

— Малыш с детства привередлив в еде. Если блюдо ему не нравится, он просто отказывается есть. Вот и пришлось учиться готовить вкусно.

— Вот как, — задумчиво произнёс Чжоу Минъянь.

Поймав его насмешливый взгляд, Тун Цянь с досадой откусил кусок куриной ножки и с гордостью заявил:

— Вот видите, я вас хорошо тренировал!

Все рассмеялись над его наглостью.

Оставив немного еды в тарелке, чтобы символизировать «изобилие каждый год», Тун Цянь выскочил за дверь и бросил петарду-тёрку.

— Бах!

Петарды были тщательно отобраны, чтобы звучать громко, и Ван Пинпин вздрогнула от неожиданности.

Тун Паньэр, закончив есть, помогла маме убрать со стола и получила красный конверт.

Открыв его, она увидела новенькую купюру в 5 юаней.

Для их семьи это было щедро.

Тун Цянь и Чжоу Минъянь получили такие же.

— Спасибо, мама!

Тун Цянь с улыбкой сунул свой конверт в карман Чжоу Минъяня.

Поскольку дома не было подходящей одежды для мальчика его возраста, Чжоу Минъянь носил старую одежду Толстяка, которая висела на нём мешком.

По сравнению с его прошлой жизнью этот контраст подчёркивал нынешнюю бедность.

Тун Цянь внезапно почувствовал горечь.

— Деньги держи. Потом я отведу тебя за новой одеждой.

Чжоу Минъянь улыбнулся и покачал головой.

— Нет, эта одежда хороша. Давай лучше сохраним деньги. Ты же говорил, что хочешь заработать много?

Тун Цянь застыл, а затем крепко обнял его.

— Когда я разбогатею, ты сможешь выбирать любую одежду в лучших магазинах.

Чжоу Минъянь не стал говорить, что лучшую одежду в магазинах не купишь, а лишь мягко погладил его по голове.

— Хорошо, я подожду.

В первый день нового года по лунному календарю Тун Цянь проснулся с туманной головой.

По традиции в этот день надевают новую одежду, но в этом году у семьи не было лишних денег, поэтому пришлось надеть старую, но чистую.

Тун Цянь не обращал внимания на свою одежду, но, оглядев остальных, понял, что план по заработку нужно ускорить, чтобы в следующем году все могли надеть новое.

После того как семья съела цзяоцзы, они отправились поздравлять родственников.

Ван Пинпин, заметив, что Тун Цянь не в духе, попыталась его подбодрить:

— Малыш, скоро будет много-много конфет, можешь брать сколько хочешь.

Если бы Тун Цянь оставался девятилетним, он бы обрадовался.

В их доме редко водились сладости, и он часто завидовал другим детям.

Но теперь, имея за плечами десятилетия опыта, конфеты и самодельные угощения деревенских жителей казались ему невкусными.

Заметив, как Тун Паньэр с трудом сдерживает радость, он решил набрать побольше сладостей в карманы, чтобы потом отдать их сестре.

Вспомнив, как тяжело ей пришлось в прошлой жизни, Тун Цянь захотел сделать для неё что-то хорошее.

В конце 80-х в деревнях всё ещё царили патриархальные устои, и Тун Вэйлун редко проявлял доброту к дочери.

Выросшая в тени отца, Тун Паньэр стала робкой и молчаливой.

Позже, когда Тун Вэйлун ушёл из семьи, Ван Пинпин, хоть и была доброй, не ругала и не била дочь, но всё же больше заботилась о слабом и болезненном младшем сыне. Лучшее в доме всегда доставалось Тун Цяню, а две женщины никогда не брали этого себе.

Можно сказать, что он вырос в любви и заботе матери и сестры.

Однако в прошлой жизни он так и не смог отплатить им той же любовью и вниманием.

Это стало его самым большим сожалением.

Теперь, получив шанс всё изменить, Тун Цянь поклялся, что сделает всё, чтобы они жили лучше!

Если не считать сладостей, поздравления родственников были скучным занятием.

Приходилось терпеть прикосновения знакомых и незнакомых взрослых.

Если ты учишься, тебя спрашивают об успехах и сравнивают с другими детьми.

Если ещё не женат, начинают расспрашивать о личной жизни и хвастаться своими детьми.

Даже количество полученных красных конвертов потом приходилось возвращать.

Так было веками.

Тун Цянь с трудом сдерживал раздражение.

Нельзя терять лицо! — строго предупредил он себя.

В детстве он ничего не понимал, но, пройдя через жизненные испытания, осознал, как важно поддерживать хорошую репутацию.

Например, когда он разоблачил свою тётю, которая его щипала, если бы он имел репутацию хулигана, его словам бы не поверили, и Тун Дафэн смогла бы всё отрицать.

Но в глазах окружающих Тун Цянь был послушным ребёнком, который не стал бы лгать, и это помогло ему добиться своего, косвенно вынудив Тун Вэйлуна уйти.

Поэтому, несмотря на отвращение к тем, кто трогал его голову и щёки, Тун Цянь сохранял яркую и наивную улыбку.

— Малыш, Толстяк зовёт тебя.

Чжоу Минъянь подошёл и, будто случайно, отвёл Тун Цяня в сторону, спасая его от щипков.

Спасибо, братан!

Тун Цянь с покрасневшими глазами посмотрел на него с благодарностью.

Чжоу Минъянь улыбнулся.

Благодаря петардам-тёркам Тун Цянь стал самым популярным ребёнком в деревне.

Теперь, когда финансовый кризис был решён, он не стал скупиться и щедро раздал оставшиеся петарды детям, которые смотрели на него с надеждой.

— Толстяк!

— Эй! — высокий и крепкий мальчик подошёл, потирая руки. — Дай ещё одну, пожалуйста, мы же друзья!

Если бы не Толстяк, Тун Цянь вряд ли бы додумался обменять петарды на антиквариат, поэтому он дал ему целых две петарды.

Смотря на то, как Толстяк быстро убегает, Тун Цянь заметил:

— Настоящий подвижный толстяк.

Когда раздача почти закончилась, Чжоу Минъянь вдруг наклонился к Тун Цяню:

— Ты знаешь этого малыша? Он всё время на тебя смотрит.

Тун Цянь посмотрел в указанном направлении и узнал сына Лю Чуньхуа.

Хотя сама Лю Чуньхуа была неприятной личностью, её сын, похоже, не унаследовал её характер и выглядел вполне добрым ребёнком.

Возможно, из-за властной матери он больше походил на своего отца — застенчивого и немногословного, с искренними глазами.

Тун Цянь подозвал его и дал три петарды.

— Вот, но не показывай маме, иначе больше ничего не получишь.

Сын Лю Чуньхуа, не ожидая такого великодушия, растроганно закивал.

— Я точно не скажу маме, обещаю.

Это был лишь небольшой эпизод.

Но через два дня этот мальчик преподнёс ему настоящий сюрприз.

— Ты уверен в этом? — не мог удержаться Тун Цянь.

N/A

<http://bllate.org/book/16382/1482493>